

СТО ЛЕТ ОДИНОЧЕСТВА: НАСТУПИТ ЛИ ТО ВРЕМЯ, КОГДА ПРЕКРАТИТСЯ АНАЛИЗ ДУШИ?*

ДЖЕЙМС ХИЛМАН

Джеймс Хилман, получивший степень доктора философии в цюрихском университете, занимал пост почетного секретаря Международной Ассоциации Аналитической Психологии и в течение 10 лет был директором Института К.Г.Юнга в Цюрихе. Он написал 12 книг и был удостоен премии Пулитцера.

*Джеймс Хилман поднимает фундаментальный вопрос о том, какое место в современном мире занимает психотерапия. В этой многоплановой и остроумно написанной статье он пристрастно исследует недостатки индивидуальной терапии, придавая им социальную направленность. Ранее считалось, что душа либо целиком интраперсональна (находится внутри отдельной личности), либо интерперсональна (существует в межличностном пространстве, в семьях, группах), но при этом никогда не бывает экстраперсональной, то есть составной частью мира, или мировой души, *anima mundi*, в ее классическом понимании.*

ИНДИВИДУАЛИЗМ

Всегда очень забавно начинать любую работу с глубокомысленного изречения одного из основоположников. На этот раз я процитирую бородатого патриарха и мудреца Зигмунда Фрейда, Он писал: «Ничего поделаться нельзя, остается только просить помощи у Ведьмы – ведьмы метапсихологии. Без метапсихологических рассуждений и теоретизирований – я чуть не сказал "фантазий" – нам не удастся сделать ни шага вперед» (*Freud, 1937, p.326*).

Эта цитата взята из одной из последних статей Фрейда «Анализ конечный и бесконечный» (см. МПЖ, 1996, № 2, с.125-155). Эта статья свидетельствует о том, что заявленная тема – «Наступит ли то время, когда пре-

* Перевод статьи выполнен по: *James Hillman. One Hundred Years of Solitude, or Can the Soul Ever Get out of Analysis? // Evolution of Psychotherapy, The Second Conference, New York.*

кратится анализ души?» – волновала и Фрейда тоже. Наверное, она является базовой для психотерапии. Решение, которое предлагает Фрейд, оказывается чем-то вроде заклятья: чтобы сдвинуться с места, мы должны рассуждать, теоретизировать и фантазировать.

Поскольку я сейчас уже начал рассуждать, то постараюсь провести линию, разделяющую анализ или терапию как систему основных идей, и практическую психотерапию, которая может быть настолько разной, насколько разными могут быть клинические психологи. Таким образом, когда я вижу недостатки в терапии, это вовсе не значит, что я нахожу в них связь с практикующими психотерапевтами. Совсем наоборот: я бы засвидетельствовал в нашей работе полную искренность, несмотря на свою убежденность в том, что в основании ее лежат ложные и даже пагубные идеи. Моя критика направлена не на людей, а на идеи. Тем самым все сказанное мной терапевтам следует принимать не лично на свой счет, но близко к сердцу.

Сначала я хочу привлечь ваше внимание к любопытному – нет, к очень пронзительному – теоретическому факту; психе, или душа, остается заключенной в индивидуализме. В процессе всей нашей работы мы считаем душу или *интра*персональной (сосредоточенной у человека внутри), или *интер*персональной (существующей между людьми и проявляющейся в переносе и в отношениях между ними, а также в группах, семьях, на службе и в других социальных системах). Никогда в наших терапевтических теориях душа не находит себе места в мире деревьев и скал, китов и пауков, проспектов и зданий, пепельниц и тостеров, или политических и социальных институтов.

Психотерапия упускает из виду *anima mundi*, мировую душу, несмотря на то, что душа природы и душа всех вещей, начиная с Платона, традиционно рассматривалась неотделимой от души любого отдельно взятого человека. Это ощущение одушевленного мира также является истинным для культуры первобытных племен и язычников, в которых то, что мы называем «анимизм» (одушевление), свидетельствует о наличии души в разных местах, объектах, во времени, животных, орудиях труда и сосудах. Однако терапия находит душу только у человека, сидящего в кресле, но никогда – в том кресле, где он сидит. Как правило, для психотерапии эти материальные безличные объекты являются всего лишь декорацией. Мир, с которым сталкивается душа, представляет собой нечто наподобие шумового фона; мир, где существуют животные, овощи и минералы и, в особенности, политика, выходит за рамки аналитической сессии.

Пример. На протяжении многих лет я занимался тем, что отбирал, учил, анализировал, проводил супервизию и принимал экзамены у кандидатов, проходящих обучение юнгианскому анализу и осваивавших аналитическую психотерапию. За все время интенсивной работы с этими кандидатами, начиная с момента их приглашения и первых интервью, в течение супервизорских сессий и анализа случаев из их практики, всегда упуска-

лось из виду нечто очень важное – то, что существовало в самих методах подготовки и что мне удалось увидеть только в последние годы, когда я оказался в плену своих собственных метапсихологических рассуждений.

Что же именно упускалось? Мы никогда не наводили справки о политической жизни кандидатов, об их семейной истории, никогда не интересовались их мнениями и общественной деятельностью, так же как нас не интересовали политические взгляды пациента, чей анализ чрезвычайно подробно обсуждался на супервизорской сессии. В какой партии состоит этот пациент, если он вообще вступил в какую-то партию? Каковы его взгляды на главные мировые проблемы и события, такие как война во Вьетнаме, национальный вопрос, права животных или аборт? Почему пациент вступил в брак и какую роль в его семейных ссорах играет политика? Какова была политическая ситуация в стране, когда он был маленьким? Были ли его дедушка с бабушкой анархистами, социалистами, фундаменталистами, надеритами, трусливыми либералами, фанатичными приверженцами древних культов, мятежниками, были ли они красными, белыми или голубыми (то есть краснокожими, бледнолицыми или голубыми воротничками)? Другими словами, что собой представляет пациент как гражданин?

Игнорирование всего этого, безотносительно к его причине, оставляет белое пятно в сознании, которое указывает на вытеснение. Или, если рассуждать более категорично, указывает ли такое исключение на существование отрицания, выступающего в качестве защитного механизма от политики? Давайте будем рассматривать пренебрежение политикой как симптом, который сам по себе оказывается необходимым для сохранения психотерапии в той степени, в какой симптомы всегда играют необходимую, хотя и неудовлетворительную роль в общей картине. Итак, какой цели служит исключение политики? Что присутствует в ее отсутствии?

Я полагаю, что в отрицании политики мы можем распознать иммунологическую защиту, предохраняющую терапию от страстей, вызванных парадными маршами, которая оставляет человека глухим к звону колоколов, и тогда каждый отдельно взятый клиент в пространстве, ограниченном стенами консультации, может набухать почками, из которых появятся бутоны, расцветающие снами и настроениями, фантазиями и чувствами, проекциями, воспоминаниями, символами, телесными ощущениями и свободными ассоциациями. Реалии сегодняшнего мира должны находиться под запретом настолько, насколько нужно вскармливать глубокий внутренний мир, мир прошлого, частный мир человека. Психотерапевтическая деятельность заключается именно в такой артикуляции внутренней жизни. Внешний мир остается за стенами комнаты.

Душа, или греч. «психе», считается полностью внутренним феноменом даже при том, что Фрейд (1914) настаивал на существовании «либидо объекта», которое привносится в мир и без которого психе остается нарциссической. Юнг также утверждал (1921а, 1985), что не душа нахо-

дится в нас, а мы в ней, и тем самым помещал человеческое существо в пространство *anima mundi*, мировой души.

Страх перед проникновением души сквозь стены проявляется в любых зауженных рамках, создаваемых терапией в качестве своей иммунологической защиты. Терапевты не считают возможным встречаться с любимыми и родственниками своих пациентов; они не общаются с ними, не посещают их семинары, выставки и представления. Линия, разделяющая жизнь и психе, очень четко определена и даже специально прослеживается при помощи новых профессиональных этических кодов и комитетов, которые и не снились Фрейдю, а также Юнгу, Адлеру, Райху, Ференци и др. Одна женщина-терапевт мне рассказала, что однажды она ослабила привычные для анализа ограничения; вместе со своей пациенткой они беседовали о политических событиях, которые обе очень глубоко переживали. В конце сессии пациентка поблагодарила мою коллегу за эту «болтовню», как будто обсуждение существовавшего тогда международного кризиса и нового бестолкового и пагубного руководства не могли являться серьезной темой для психологической беседы.

Совершенно очевидно, что это дело рук метапсихологической ведьмы, ибо этот барьер, разделяющий душу и жизнь, скрывает следующие онтологические предпосылки, касающиеся природы человека:

- 1) человек может быть отделен от общего бытия;
- 2) человеческая воля может поддерживать это разделение, не допуская утечки;
- 3) это разделение способствует концентрации и, следовательно, психологическому осознанию;
- 4) психологический и политический аспекты могут рассматриваться в качестве двух противоположных дискурсов; и
- 5) наконец, чтобы усилить акцент, сделанный на этом кардинальном противоречии, – политика – это не психология, а психология – не политика.

Говоря об идее души, связанной с личностью, для простоты я пользуюсь термином «индивидуализм». В то же время я хочу отметить, что в XIX столетии понятие «индивидуализм» было очень свежим. Появившись на свет в эпоху позднего викторианства, оно определяло направление человеческой мысли и деятельности в области индустриализации, колонизации, капитализации или глубинной психологии (*Sf. Sampson, 1989*). Если в следующем десятилетии психотерапии суждено развиваться или хотя бы ее существование все еще будет заметно, и она не превратится в анахронизм золотой молодежи, в белое городское гетто, в гнездо романтического интима, в детскую комнату для беспомощного ребенка, в вентилятор от сплина фантомных родителей, существующих только в прошлом, или в нарциссический зеркальный зал и переживание телесного самоощущения, – тогда нам придется разрушать, расшатывать и искоренять индивидуализм.

Ни Фрейд, ни Юнг не только не предлагают никакого выхода из индивидуализма, но, кажется, и не хотят его искать. Фрейд (1921) ставит этот вопрос ребром, полагая, что человек «идет по жизни» как *zoon politicon* (политическое животное, по выражению Аристотеля), следуя троттеровской теории стадного инстинкта, «заставляющего индивидов собираться в сообщества» (с.81). Однако Фрейд спорит с Троттером, говоря: «Даже если социальный инстинкт, – и здесь он заодно с Адлером – является внутренним, он может быть прослежен вплоть до... детства индивида...» (1922, с.134). «Давайте рискнем исправить заключение, утверждающее, что человек – это стадное животное, и будем считать, что он принадлежит стае, которую возглавляет вожак, а значит, человек – существо индивидуальное» (1922b, с.89).

Юнг принимал в штыки центрированный на себе эгоистический индивидуализм; тем не менее, он назвал внутренний поступательный психический процесс по направлению к смерти «индивидуацией», подразумевая под ней еще более выраженную уникальность (Jung, 1921b). Более того, снова и снова Юнг (1916) отдает предпочтение индивидуальному перед «коллективным» – это понятие включает в себя и группу, и сообщество, и толпу. Юнг приводит аналогию с дробями, которые мы проходили в шестом классе: чем больше общий знаменатель, тем меньше влияние и ценность числителя, индивида. И стая Фрейда, и коллектив Юнга не идут ни в какое сравнение с романтическим индивидуализмом.

Дилеммы индивидуальное/коллективное, частное/общественное, внутренний мир/внешний мир, человеческая душа/мировая душа, которые я представил как дилемму терапия/политика, дилемму, которая дышит на ладан и говорит о моем собственном желании возратить миру его душу, заключенную в психотерапии, и обозначить один из самых длительных конфликтов из всех, существующих в нашей культуре: конфликт между утверждением политического сообщества, построенном на политеизме древних греков и римлян, и утверждением центрированной на себе отдельной христианской личности.

Здесь уместно процитировать одно из самых известных выражений грека Аристотеля: «Человек по своей природе – политическое животное» (*anthropos physei politikon zoon*). Самый крупный философ среди всех римских императоров, Марк Аврелий, писал:

«Все, что я делаю, я делаю во благо человечества; все, что со мной происходит, происходит по воле богов... По своей сущности я гражданин (или политик): у меня есть город и у меня есть страна... и, следовательно, все, что идет во благо населению, только это хорошо и для меня... Имейте в виду, что исполнять общественный долг – значит подчиняться законам человеческой природы и вашей собственной конституции... Вы помогаете восполнять общественную целостность; таким образом, каждое ваше дело вносит вклад в жизнь всего общества».

Все эти положения, которые так прочно утверждали человека в мире,

Иисус отрицал. «Мое царство не от мира сего» (Евангелие от Иоанна, 18: 36), Читая призывы и увещания Ап. Павла, Иеремии и, в особенности, блаженного Августина, убеждаешься, что христианство не придавало особого значения отдельной личности. Задача человека состояла в том, чтобы следовать внутреннему голосу, своему призванию, уходу от мирской суеты, даже если этот путь вел в дикую пустыню или к мученическому распятию. К свободе вел возведенный в степень индивидуализм, который внутри направлялся Богом и уникальной искрой внутренней души.

Вот что пишет Элайн Пэйджельс (1988): «Идея, что каждому человеку присуща внутренняя, Богом данная ценность, и само его существование, независимо от его вклада в общество, оправданно... была бы отвергнута язычниками как полный абсурд» (с.81). Каждого, кто замыкается в стенах терапевтической консультации, в медитативном пространстве или уединяется в пустыню в поисках смысла, с точки зрения язычника нельзя назвать иначе, как идиотом. Этот греческий термин буквально относится «к человеку, который сосредоточен только на своем частном и личном [*idios* – свое собственное], а не на публичной социальной жизни большого сообщества» (с.80). *Idios* также означает «отдельно» – отдельно от, а не какую-то часть. *Idios* часто противопоставляется *demosios* – народу, демосу, демократии.

С этой гражданской, социальной и языческой точки зрения терапия является рецидивом христианского отношения к жизни, которое придает особое значение человеку, находящемуся в уединении, чья жизнь представляет собой постоянный навязчивый поиск братьев и сестер, общения и близости, осененный крестными муками одиночества (отсюда наш термин «пациент» [*patient*] – *passio Christi* [страсти Христовы]), теми страданиями, от которых терапия предлагает освобождение и которые никогда не прекратятся при аполитичном уединении от мира и его языческой одушевленности.

Даже хуже того: с этой гражданской языческой точки зрения терапия благодаря всем ее добродетелям, формируя, отображая и утверждая внутренний мир пациента, имея право на владение его жизнью и душой, в действительности производит на свет *идиотов*, политический идиотизм. Концентрация на самом себе порождает идиотизм.

Здесь я намеренно сгущаю краски. Как сказал Ортега-и-Гассет: «Что пользы в утверждении, лишенном преувеличений?» Мое заключение, что терапия превращает нас в политических идиотов, даже принимая во внимание, что мы становимся более чувствительными, дает мне возможность поверить в то, что мы больше не следуем за бессознательным. Бессознательное не стоит на месте. Мы всегда бессознательно обновляемся с каждым сознательным шагом. Где сейчас бессознательное и что оно из себя представляет? Оно определено не в детстве, семье, сексуальности, чувствах, отношениях, скрытых символах, измененных состояниях – все это присутствует в любом телешоу, в каждом практическом руководстве для

самообразования. Двенадцатилетние дети, которых нельзя оторвать от телевизора в течение их недельной восемнадцатичасовой программы, знают не меньше профессионалов о созависимости, диссоциации личности, канализировании эмоций, преступлениях, пагубных привычках и булимии. Чтобы что-то произнести про классическое бессознательное, раньше у нас с трудом поворачивался язык, а сейчас оно находится на его кончике. Однако, где мы меньше всего состоятельны, – и от чего большинство людей себя обезболивают при помощи наушников, алкоголя и аспирина, бега трусцой, портативных радиоприемников и плееров, снотворного, сахара, походов по магазинам и перелистывания журналов и каталогов, – так это во внешнем мире, в полисе, в политическом городском сообществе. Терапия отделяет от него душу, оставляя с ним бессознательное; в свою очередь, он остается абсолютно недоступным для анализа. Поэтому мы приходим к уравнению: полис равняется бессознательному. Мы должны стать сверхсознательными пациентами и аналитиками, очень рефлексивными личностями, способными к интериоризации очень тонких вещей, и одновременно с этим – все меньше и меньше сознающими гражданами, пассивно-агрессивными в наших жалобах, закрывающими глаза на трагедии, среди которых нам приходится жить, питающими отвращение к преступлениям, которые официально признаны государством, воображая свое возрождение в достижении близости и понимания отдельным человеком, а вовсе не в приобретении политического сознания и общественной деятельности.

ПАЦИЕНТ КАК ГРАЖДАНИН

Я бы хотел вернуться к Аристотелю, чтобы расширить понимание четырех понятий из его изречения: «Человек по своей природе – политическое животное».

1. *Anthropos* – означает «человек», а также «человечество», «человеческое существо» и «человеческое существо, о котором существует полное представление». Конечной целью для Аристотеля, то есть целью нашего существования, являлось представление о нашей формальной сущности, о том, чем мы являемся, а мы являемся как раз политическими сущностями.

2. *Physei* – основное содержание, сущность, перводанная природа человеческого бытия.

3. *Politicon* – слово, от которого произошли наши слова «политический» и «полиция» и которое относится к греческому слову «город», *polic*. Однокоренные с ним слова имеют такие значения: «толпа», «столпотворение», «бегущий», «лить», «течь», «наполнять», «потоп», «переполнять», «плыть» – оно достаточно многозначно, так же как его латинские аналоги *plenus*, *plerus*, *plebs*, *plus*, означающие «много», «больше», «полный». Таким образом, *polis*, скорее, имеет отношение не к устоявшимся гражданским институтам, а к потоку жизни, проходящему сквозь толпу, общество или *demos* (население), откуда появилась наша демократия; так случилось, что Дионис, бог влажного жизненного потока, был любимым народным божеством.

4. *Zoon* – слово, от которого произошли наши слова «зоопарк» и «зоология», животная жизненная энергия, органическая жизнеспособность. Здесь мы также можем обнаружить Диониса, ибо *zoe* было одним из его прозвищ.

На что стала бы походить терапия, если бы мы представили человека в качестве гражданина? В чем бы тогда заключалась суть психотерапевтического анализа? Могла бы тогда психотерапия развиваться дальше в направлении постаналитической терапии, пост-Я-терапии, терапии, которая бы растворяла, а не усиливала личностную идентичность? Здесь я иду рука об руку с современным деконструктивизмом, показавшим несостоятельность половой и семейно-ролевой идентичности, а также идентичности, связанной с исторической непрерывностью личности, составляющей за ней только ее развитие. Я присоединяюсь и к последней социальной теории, провозглашающей, что «не существует субъектов, которые могли быть определены отдельно от остального мира» (*Sampson*, 1989, с.916). Я представляю себе будущее терапии, язык которой больше не будет ограничен замкнутыми на самих себе понятиями, такими, как единство, центрированность, целостность и, в особенности, на любимом термине коварной западной ведьмы – самости. Я надеюсь разрушить главную идеализацию, заставляющую понимать буквально юнгианскую психологию, – понятие самости.

Предположим, что нам удалось вообразить это понятие как-то по-иному. Предположим, что мы больше не считаем Я гомеостазисом внутренней *динамики* биологического организма, или искрой морали непознаваемого, трансцендентного, или просто изначально существующей рефлексивной сознательной деятельностью, или центром интеграции и переработки опыта и переживаний (что бы он из себя ни представлял), или автономией любой определенной отдельно взятой системы. Предположим, мы оставили в стороне все известные нам определения Я, и вместо них вообразили себе совершенно иное определение: ни биологическое, ни телеологическое, ни метафизическое, а политическое – Я как интериоризация общественного.

Тогда спрашивать на терапевтической сессии о чем-то, имеющем отношение к политике, все равно, что спрашивать о Я. Тогда стремление к саморазвитию требует преследования общественных интересов. Тогда для подтверждения намеченного человеком пути – «Я на верном пути или уже сбился?», «Вытесняю ли я?», «Эгоцентричен ли я?» – следует обращать меньше внимания на психическую и телесную динамику или на голоса и видения трансцендентных божественных явлений, а также на внутренние чувства, внутреннего ребенка и внутреннего гуру, а сосредоточиться на социальной стороне реальной человеческой жизни. Тогда погоня за инсайтом повлечет за собой появление объективных соответствий, а местом возникновения инсайта станет общественное, а не перенос.

Интериоризируя общественное, я избегаю его подробного описания в

виде определенной политической программы, той или иной идеи сообщества, как это свойственно фанатизму. Вместо этого я склоняюсь к *Gemeinschaftsgefühl* Альфреда Адлера (1988), социальному чувству общности, которое подразумевает в себе множество целей и разнообразную политическую деятельность, где может усиливаться, выделиться и проявиться это самое чувство принадлежности или *Gemeinschaftsgefühl*. Человек представляет себя гражданином, и тогда его аналитический дискурс по отношению к Я может рассматриваться в контексте социального чувства. Я «реален» постольку, поскольку я воспринимаюсь другими и они мне откликаются, я не существую отдельно от них и не скрываюсь под маской. Я – это моя деятельность в мире людей и животных, идей и объектов, на земле и в атмосфере. И это сообщество в течение дня меняется: сейчас я вместе с соседом, затем дома со своими цветами и собакой, или вместе с автором книги, которую я читаю, и его идеями, или вместе с умершим человеком, который мне приснился. Но всегда, что бы ни было «мною», оно отделено *от них* меньше, чем часть *их* самих.

Если дать Я такое социальное определение, мне, чтобы «себя» найти, следует переориентировать свое внимание от интроспекции к простому наблюдению того, где нахожусь я в потоке повседневных событий, что от меня требует сегодняшний день, как он проходит и какова на сегодня актуальная экологическая ситуация – что происходит с животными, пищей, мебелью, звуками и запахами – все то, зримое и незримое, чем со мной поделился сегодняшний день. Тогда для работы с моим бессознательным, над моим личностным ростом и самосознанием, мое ясное мышление будет меньше обращаться к моим снам и я, вероятно, буду меньше замыкаться в себе для медитаций или для анализа своего детства, ожидая, что где-то внутри моей черепной коробки или у меня под кожей откроется нечто такое, что укажет мне путь. Я просто поворачиваюсь ко всему тому, что там есть, поскольку оно там есть: мои комнаты вместе с мусором, который в них валяется, моим знакомым и их реакциям, моим сотрудникам и их заботам, ибо все это включает в себя мое Я с тех пор, как они стали входить в установленное мной сообщество. Мое определение всегда точно соответствует тому месту, где я нахожусь, и, таким образом, я всегда созависим с другими и всегда очерчен изменяющимися проницаемыми границами. По определению, я никогда не могу быть полностью управляем или находиться в одиночестве. Интериоризация сообщества означает ощущение, наблюдение, восприятие того, что по-настоящему меня занимает или выводит из себя. Теперь окружающая среда является зеркалом для саморефлексии, а инсайт возникает из мировой скорби; нарушения законов сверх всякой меры, эксплуатация и коррупция; стыд, вызванный глупостью и несправедливостью; боль за все мировые беды и страх за его будущее.

Эмоции по-прежнему преобладают, но они уже больше не считаются чисто внутренними. Теперь, говоря словами Уильяма Блейка, эмоцию можно себе представить как «божественный наплыв» – не мой собственный, а

присущий мировой душе, отделенной от своих посланий и своих чувств, которые сразу же замирают, как только я начинаю считать эмоции только своими. Тяга к близости, тревожное одиночество и параноидальная подозрительность отражают изоляцию от мировой души людей, которые любят только друг друга. Разумеется, я нахожусь в депрессии, ибо она оказывается соответствующим откликом на умирание мира, во мне скорбит мировая душа, и эта скорбь выходит за пределы моего постижения.

ТЕРАПИЯ КАК СИМПТОМ

Сейчас мы подошли к актуальной терапевтической практике и росткам ее потенциальной эволюции. В соответствии с моими взглядами, эти ростки принадлежат скрытым внутри самой терапии симптоматическим нарушениям.

Первое: эволюция в психотерапии всегда следовала за симптомом. Терапия никогда не порождает идеи, чтобы затем их применять для лечения людей. Ее теории являются ответным откликом на симптомы. Именно симптом определяет тот или иной путь. Необходимость срочного вмешательства и загадочность симптома направляют эволюцию психотерапевтических изысканий, выталкивая исследовательский интерес в новые неизвестные области.

В Париже на демонстрационных сеансах Шарко докладывал о своих исследованиях женской истерической парестезии. Эти сеансы посещал Фрейд, продолжавший исследования гипнотического транса и истерической амнезии, которые впоследствии привели его к идее вытеснения сексуальности и концепции бессознательного. Юнг в психиатрической клинике Буркхольцли исследовал симптоматику своих пациентов, находившихся в глубоком психозе, что привело его к идее диссоциативности психики, теории шизофрении, содержательного наполнения комплексов и архетипов. Позже симптомы, которые были названы «нарциссическими» и имели отношение к расстройствам, связанным с пограничным состоянием личности, привели Кохута и других психоаналитиков к дальнейшему развитию концепции Я, а также моделей, где эту концепцию можно было использовать. Терапия следует за симптомами. Патологизация смещает душу с наезженной колеи и при этом немедленно заявляет о возникающих у нее жалобах.

Современные симптомы распадаются на два класса. К первому классу относятся те симптомы, к которым терапия обращается прямо: зависимости, травматические неврозы ветеранов войны и жертв насилия, дисфункции, а также социальная, физическая и психологическая несостоятельность. По отношению к терапии их можно считать внешними, существующими исключительно у клиента, и для таких симптомов терапия предлагает паллиативные и даже лечебные средства.

Ко второму классу симптомов, который находится внутри самой терапии, относится, например, вынужденная реакция контрпереноса. Тем самым терапия воздействует, ужесточая свои рамки против эротической во-

влеченности человека, – об этом я выше уже упоминал.

Существуют по крайней мере еще три других симптома, привлекающих к себе пристальное внимание. Первая из этих жалоб звучит приблизительно так: «Я уверен, что у меня слабо выраженная нарколепсия; я засыпаю, поскольку в середине сессии на меня нападает дремота, и оказывается, что я не могу с ней справиться». Вторая жалоба такова: «Я боюсь, что действительно могу свалиться с ног, я работаю 28, или 36, или 45, или больше часов в неделю, иногда через меня проходит 60 или 70 разных людей, и это просто невозможно. Мне кажется, что я не могу установить себе подходящее расписание». Третья относится к группам поддержки и реабилитации. Давайте сначала рассмотрим два первых симптома, а потом обратимся к третьему.

Какова же роль души в этих симптомах, которые так беспокоят терапию и которые, возможно, возникли из-за нее самой? Ясно одно: в этих симптомах, индуцированных терапией, включая принужденное сексуальное отреагирование контрпереноса, существует некое скрытое желание, препятствующее продолжению терапии и направленное на ее завершение.

Например, засыпание во время сессии делает сознание недоступным, если мы определим сознание, как это обычно делается в наших учебниках, при помощи таких понятий, как «внимание», «бодрствование», «кортикальная активация», «живое восприятие», «направленность», «непрерывность сознания». Вдруг оказывается, что в разгар терапевтической сессии это самое сознание отсутствует; оно входит в состояние сна, то есть в самое подходящее состояние для анализа. И самое любопытное, что эта все-таки дремота наступает только во время аналитических сессий, и при этом – никогда дома у телевизора, или за рулем, или во время других разговоров, лекций и заседаний. Эта нарколепсия оказывается исключительно «терапевтической», как если бы терапия в сознании аналитика не была сама по себе разрушающей, а подчинялась дьявольскому умыслу разрушения этого самого сознания.

Текст другой жалобы: «Я боюсь, что у меня не хватит сил», «Не бери на себя много», «Передохни», «Переделай мне расписание» – приводит нас в область зависимости. Зависимость от моего расписания приема клиентов на каждую неделю, месяц и даже на следующий год дробит и овеществляет время в виде четко очерченных периодов в книге записей на прием. Ошибки в расписании или его потеря серьезно нарушают стабильную жизнь аналитика: находящийся в зависимости от своего расписания терапевт каждый год ждет сентября или января, чтобы начать новую чистую книгу записей.

Несмотря на то, что я сам составляю такое расписание, я не имею над ним никакой власти. Я превращаюсь в раба своего распределенного терапевтического времени. Расписание становится Големом, роботом, Франкенштейном, порождающим у нас желание фантазировать о свободе. В этом желании воображаются либидинозные объекты, совершенно отлич-

ные от терапевтических сессий: путешествие на плотах в Айдахо, ананасы на Гавайях, беззаботный и долгий сон на широкой тахте, – однако книжка с записями на прием ничего этого не позволяет: «Я должен свериться с моим расписанием». Я стал зависимым от материализованного времени. Эта мой самый значимый Другой, с которым я созависим; я нахожусь под его принуждением и являюсь его жертвой даже больше, чем мои клиенты.

Кажется, что эти два симптома покрывают друг друга и вместе с тем в жизни они образуют порочный круг. Чем более маниакальной становится зависимость от расписания, тем более вероятно появление нарколептического отказа. Чем сильнее нарколептическая дремота, нарушающая план, который отражается в моем расписании, тем интенсивней становится моя терапевтическая деятельность: поддержание сессии, необходимое, тютелька в тютельку, наполнение аналитического часа – и все это ради того, чтобы в середине сессии человек заснул. Терапия саморазрушается изнутри.

Что касается третьего симптома терапии, мне думается, что мы должны взглянуть на него попристальнее, так как именно в нем находится ключ к разрешению проблемы, с которой мы сражаемся: проблемы, связанной с отношением терапии и политики, индивидуальной и мировой души. Поэтому давайте пойдём на поводу у ведьмы и поразмышляем о группах поддержки и реабилитации. По понедельникам я хожу в группу алкоголиков; по вторникам я хожу в группу людей, страдающих ожирением; по средам – в группу реабилитации взрослых, ставших в детстве жертвами насилия, вместе с их супругами или близкими. По четвергам у меня избитые жены, или созависимые мужья, или разведенные отцы, воспитывающие детей в одиночестве; и по пятницам – эксгибиционисты. Затем на выходные следует группа реабилитаций для пострадавших во всяких прочих катастрофах и желающих получить поддержку в прочих страданиях и бедах. «Так много всего; я не могу даже выбраться в кино, позвольте мне, пожалуйста, одному посетить какой-нибудь занудный продолжительный политический митинг, где выбирают директора школы или администрацию штата. Я не смогу пойти на запланированное собрание акционеров, которое закончится, когда Бог на душу положит, или на слушания, посвященные очистке местной реки, налоговым проблемам, преступлениям в клинике для абортов или цензуре школьных учебников.

Если мы взглянем повнимательнее, то увидим во всех этих реабилитационных группах и группах поддержки, проходящих с понедельника по пятницу, основные признаки политических групп, посвященных какой-то одной тематике. Однако вместо концентрации внимания на абортах, цензуре или ядерной энергетике они обращают его на алкоголь, ожирение или детскую сексуальность. В эти новые реабилитационные сообщества нас объединяют уже не приверженность политическим взглядам или унаследованным этническим законам, как это происходит в традиционной политике, а наши симптомы. Я больше не ирландско-американский демократ или шведско-американский фермер-лейборист. Нет, я прихожу на эту

группу, потому что я заядлый курильщик, пьяница или грубиян. Мы собираемся вместе, чтобы неистово преданно помогать друг другу, только по одной простой причине: у нас есть общий симптом, и больше ничего, *баста*.

Почему я называю эти группы симптомом? Конечно же, их содержание и цель возникают из симптома, но являются ли симптомом они сами? Да, потому что они поддерживают отдельную личность. Они остаются внутри старой терапевтической модели индивидуального Я. Сообщество находится вне их фокуса. Здесь сообщество служит лишь для решения индивидуальных психологических проблем. В центре остаются я и мои симптомы. Но разве колокол звонит только для меня?

Прежде, чем мы вынесем приговор этим группам за то, что они сохраняют в себе современный индивидуализм, давайте вспомним, какой основной смысл находили в симптоме Фрейд и Юнг. Он рассматривался в качестве необходимого компромисса. Он служил защитой и в то же время предлагал окольный путь удовлетворения реально необходимых психических потребностей. Симптом стремился преобразить основное нарушение психики и наметить путь его излечения.

Таким образом, эти группы подменяют и общественную деятельность, и чувственно заряженные ячейки общества: с одной стороны, они оставляют человека замкнутым на своих субъективных жалобах, а с другой — они функционируют в качестве психологических сообществ, обремененных лишь своим центрированным на личности субъективизмом.

Патология, ради которой собирается группа, в основном остается у человека внутри: например, нарушение в приеме пищи, — а не распространяется на весь мир как ухудшение самой пищи. Тогда группа могла бы концентрировать свое внимание не столько на том, почему я ем, как я ем, когда я ем и что я ем, а также на причинах, по которым эти паттерны возникли у меня в детстве, и моих «проблемах», сколько — и в основном — на школьных завтраках, на том, что мы берем, чтобы просто «перекусить», на продуктовых магазинах и рынках, на сельском хозяйстве и землепользовании, на правительственной помощи фермерам, на пищевых полуфабрикатах, на вкладе телевидения, на пристрастии к сахару, на маркировке пищевых продуктов, на их хранении и распространении, на глобальных вопросах рыбной ловли, на пастбищах, плодородии, пестицидах и на глубоко въевшихся в нас предрассудках и символах, существующих в нашей культуре, относительно того, какая пища хорошая и здоровая, а какая зараженная, отвратительная и непригодная к употреблению. Тучный человек уже сам по себе вовлечен в тему, связанную с пищей, и его психологические инсайты могут быть сильно искажены его полнотой при всех тех пищевых нарушениях в мировой душе, для которой наши нарушения в питании являются только отражением.

Корпорация является главным фундаментом и оплотом капитализма, она по сути своей оказывается корпоративным телом, имея о себе пред-

ставление как о хищнике, который следует своему девизу «рост или смерть» в постоянной борьбе за то, чтобы становиться все жирнее и жирнее.

Я использовал переедание в качестве одного из примеров, но мы можем рассуждать точно так же в отношении групп поддержки, связанных с алкоголизмом, насилием, избиением и эксгибиционизмом, и относительно того, какую политическую деятельность можно было бы представить вследствие подобных психологических рассуждений. Участники групп могли бы вскоре обнаружить, какое место в окультуренной психологии их повседневной жизни занимают преследование и насилие, которые по своей значимости далеко превосходят восстановленные в памяти насилия раннего детства, которые случились бог знает когда и бог знает где. В таком случае терапия превратилась бы в мировую арену, а клиенты, пациенты и анализируемые привнесли бы туда острую чувствительность своего сердца, настроенного психологически на вытесненную в бессознательное политическую жизнь, которая вызывает к проснувшемуся взрослому человеку, пытаясь привлечь его внимание.

Тем временем проснувшийся взрослый со времен Сократа продолжает видеть своей целью работу над собственной душой. Этот проснувшийся взрослый может называться по-другому: просто «гражданином». И этот самый проснувшийся взрослый, этот гражданин, так долго не может выбраться из терапии, получая временное успокоение, удобно устроившись на коленках у терапии, напевающей ему колыбельные песни о внутреннем ребенке, который может быть идеальным или ущербным, источником надежды и славы или несчастным, которому едва удалось выжить. В обращении к этому образу, вскармливании его, стремлении к нему и представлении его в виде избавителя от моих сегодняшних затруднений видны не только сентиментальная ностальгия по потерянному раю и сказочному преображению, он не только концентрирует проснувшееся сознание и его тонкие чувства на прошлом, которое закончилось или которого никогда не было, а также на одиночестве, покинутости и бессилии, но вместе с тем это обращение к внутреннему ребенку порицает окружающих и в особенности медленно и болезненно строящиеся гражданские институты: семью, образование, правительство и культуру.

Даже хуже того: архетип младенца, этот воображаемый внутренний ребенок, такой хрупкий и вместе с тем такой божественный, который так много обещает и никогда не способен сдержать свои обещания, который попал в могучие лапы фантазии о бесконечном внутреннем росте и остался привержен идеям, связанным с независимостью, появлением новых возможностей и владением ситуацией, и который, вместе с тем, оказался во власти нарциссических страданий, болей, поражений и их последствий, — этот архетипический образ, который сейчас в единственном числе маниакально определяет теоретические направления терапевтической мысли, является абсолютно аполитичным. Младенец не голосует, не может голосо-

вать. Он чувствует себя жертвой гораздо более могущественных внешних сил; он ненадежен, он жалуется и протестует. Младенец пассивен в своей агрессии и параноидален в своих инсайтах, ощущая себя всегда «без»: без сил, без эмоций, без уважения. Жалобы младенца цепляются за тело политики: Что я могу сделать? У меня только один голос. И на этом пути терапия, несмотря на все свои честные намерения, искренность практикующих аналитиков и заметные результаты, идет рука об руку с циничной непрактичностью, которая отличает нашу политическую систему, поместив в одну упряжку проснувшегося взрослого вместе с его архетипическим младенцем, внутренним монстром, изобретенным и возвращенным терапией, тем самым лишив город и всю нашу культуру их наиболее чувствительных граждан.

Эволюция терапии фактически означает конец индивидуализма, превращение пациента в гражданина, расставание с младенцем и возвращение к миру души, то есть туда, где он создается. Как написал английский поэт Джон Китс (1819) незадолго перед своей смертью, случившейся, когда ему было двадцать пять лет: «Дай имя миру...» юдоль творения души», тогда постигнешь, как в нем жить...» (с.326).

ЛИТЕРАТУРА

Aristotel. Politics. 1253 a2 и далее.

Aurelius Marcus. Meditations. Книги 8:12 & 23 и 9:23.

Freud S. (1914) On narcissism: An introduction. In Collected papers, Vol. IV. London: Hogarth Press.

Freud S. (1922a) The libido theory. In Collected papers, Vol. V. (p.134). London: Hogarth Press.

Freud S. (1922b) Group psychology and the analysis of the ego. (p.84, 89), London: Hogarth Press.

Hillman J. (1983). Healing fiction. Barrytown, NY; Station Hill Press.

Hillman J. (1988). Power and Gemeinschaftsgefühl Individual Psychology: The journal of Adlerian Theory, Research and Practice, 44, (1), 3-12.

John. (Bible). New Testament, 18:36.

Jung C.G. (1916). Adaptation, individualism, collectivity. In Collected works, Vol. 18. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung C.G. (1921a). Psychological types. In Collected works, Vol.6. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung C.G. (1921b). Definitions. In Collected works, Vol. 6. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung C.G. (1934).The development of personality. In Collected works, Vol.17. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Jung C.G. (1963). Memories, dreams, reflections, (Glossary), p.352. London: Collins.

Jung C.G. (1985). In Hillman J. Anima: An anatomy of a personal notion. Dallas: Spring Publications.

Keats John. (1895). Letter 1819. In H.B.Foreman (ed.) The letters (p.326). Lon-

don: Reeves & Turner.

Pagels E. (1988). Adam, Eve, and the serpent. New York: Random House.

Sampson E.E. (1989). The challenge of social change for psychology. American Psychologist, 44, (6), 914-922.

КОММЕНТАРИЙ АЛЕКСАНДРА ЛОУЭНА

Во-первых, я поздравляю доктора Хилмана с тем, что он обратил наше внимание на некоторые существенные недостатки терапевтического метода. С другой стороны, на то, что он отметил, у меня есть, что возразить.

Доктор Хилман утверждает, что терапия имеет серьезный изъян, поскольку она сверх всякой меры или даже целиком сфокусирована на отдельной личности. В доказательство этого изъяна он говорит об увеличении мирового хаоса. Я могу согласиться с доктором Хилманом, что в XX веке ущербность нашего общества заметно выросла, и, вместе с тем, можно было убедиться, что в это же самое время заметно повысились интерес и потребности в психотерапии. Очевидно, психотерапия оказалась не в состоянии предотвратить это социальное разрушение. Критика такого положения дел, основанная на том факте, что терапевтический процесс в первую очередь сосредоточен на благополучии отдельного человека, мне представляется близорукой. Было бы ошибкой считать, что в процессе терапии человека всерьез не волнует социальная обстановка. Очень наивно было бы поверить в то, терапия может изменить отношение отдельной личности к обществу и ответственность личности перед обществом за улучшение индивидуального благополучия и общественного благосостояния.

Сказать, что современные люди центрированы на себе – значит погрешить против истины. Они нарциссичны, что означает, что они эгоцентричны и обладают слабым ощущением Я. Они не являются индивидуальностями в истинном смысле этого слова. По сути, их следует считать индивидуальностями от массы, субъектами, которые представляют массу, находятся под ее влиянием и тем самым в какой-то степени под контролем средств массовой информации, массовых движений, массовых всплесков и массовых беспорядков. Настоящая индивидуальность старается держаться подальше от массы, чтобы сохранить ощущение своего Я. Это не означает, что данная личность остается в изоляции. Фактически, эта личность является более чувствительной к общественным нормам и общественным проблемам, поскольку она не поглощена или не пресыщена массовой культурой. К сожалению, в нашем современном обществе таких индивидуальностей слишком мало.

В той же степени, в которой индивидуальность не является истинной

индивидуальностью, массовое общество не является истинным сообществом. Только истинные индивидуальности могут создать истинное сообщество – в котором уважается индивидуальность его членов, которые, в свою очередь, платят ему таким же уважением, беря на себя ответственность за сохранение общечеловеческих ценностей, создающих возможности для жизни целого сообщества. Лично я всегда подразумевал такую ответственность в процессе своей работы и всей своей жизни, в своих трудах и своей практике. Невозможно отделить личный поступок от общественного, личные ценности от ценностей сообщества, личную ответственность от ответственности перед сообществом. Мы все представляем собой сообщество, и то, как мы живем, определяет все, что в нем происходит.

Я готов согласиться с тем, что наши ценности претерпели сильное искажение. Мы забросили ценности, связанные с Я, ради ценностей эго. Например, сегодня редко можно услышать упоминание о чувстве собственного достоинства. Достоинство имеет отношение к Я, а вовсе не к эго. Нарциссические личности, которые идентифицировались со своим образом эго, не думают и не ведут себя достойно. Их ценностями являются власть, успех, почет, статус и т.п. Доброта – другая ценность, исчезнувшая сегодня из культуры, отдающей предпочтение насилию и сексу. Ее отсутствие отражается в том, что в современном мире существует очень мало истинно добрых людей. Еще одной ценностью является милосердие, которое на психологическом уровне проявлялось бы в качестве снисхождения. Все эти ценности являются телесными, не имеющими отношения к эго. У людей, которые могут идентифицироваться со своим телом, существует осознание этих ценностей. Большинство людей в современном мире стараются придать своему телу такую форму, которая бы отражала его образ, существующий в их представлении, вместо того чтобы использовать свое сознание для того, чтобы понять и оценить величие и великолепие человеческого тела.

Без идентификации с телом мы не можем идентифицироваться с природой и с землей, на которой мы живем. Мы ими пользуемся для получения прибыли и достижения власти. Но поскольку от них зависит наше выживание, мы сами себя разрушаем.

Многие психоаналитики, включая Райха и Беттельхейма, проявляли политическую активность до тех пор, пока Гитлер не пришел к власти. Они верили в то, что для роста здоровой личности необходимы изменения социальной системы. И Райх, и Беттельхейм разуверились в этой идее, поскольку не было никакой возможности воплотить ее в жизнь, и пришли к выводу, что при отсутствии здоровых личностей невозможно создать здоровое общество. Это все равно, что строить дом из кривых бревен. Свою роль терапевта я вижу в том, чтобы помогать отдельным людям, хотя и очень небольшому количеству, стать более полноценными личностями, которые могут получать истинное наслаждение от жизни и разделить это наслаждение с другими. Я чувствую удовлетворение, когда, работая с тем

или иным человеком, мне удастся этого достичь. Может быть, необходимо делать гораздо больше, но большего я не могу.

Но, чтобы это делать, я должен вернуться к человеческому телу. Человек полностью потерял контакт со своим телом в той же степени, как он потерял контакт с природой и землей. Мне кажется, что восстановить этот контакт невозможно при помощи только вербальной терапии любого вида. Только достигнув идентификации с телом, мы можем восстановить этот контакт, поняв и почувствовав свое тело. С моей точки зрения, это означает включение тела непосредственно в терапевтический процесс.

ДИСКУССИЯ МЕЖДУ ДОКТОРОМ ХИЛМАНОМ И ДОКТОРОМ ЛОУЭНОМ

Хилман: Я очень рад, что удостоился чести Вашего ответа, поскольку всего в нескольких словах Вы так хорошо выразили суть современного состояния терапевтической философии: мы должны делать так, чтобы отдельные личности чувствовали себя лучше и здоровее, достигая при этом самоопределения и ощущения живого духа, сильного Я и живущего тела. Когда это случится, мы придем к более здоровому обществу.

Лоуэн: Когда и *если* это случится.

Хилман: Пока мы находимся в состоянии ожидания. И в последние 50 лет терапия распространяется все больше и больше, а мир становится все хуже.

Лоуэн: Но в этом терапия не виновата; эта проблема связана с телевидением, автомобилем, излишней деятельностью.

Хилман: Здесь я опять вижу проблему в том, что мы зажимаем себя в тиски: «Мы хорошие, а они плохие». Телевидение плохое, мир идет не туда, но мы все делаем хорошо, и я пытаюсь сказать, что так дальше не выйдет. Мы дошли до самокритики; мы должны отойти от самодовольной уверенности в том, что все, что мы делаем, это правильно, так как здесь, вероятно, существует некая связь с возрастающей чувствительностью определенного слоя людей, терапевтов и клиентов, ставших более чувствительными благодаря нашей работе. Мы должны стать более чувствительными, и в то же время менее восприимчивы к боли. Именно об этом состоянии говорит Роберт Дж.Лифтон, называя его «психической немотой», поэтому мы не хотим слышать о том, что происходит на улицах, мусорных свалках и так далее, и тому подобное. Мы стали более личностно и индивидуально чувствительны и более немы политически.

Это проблема отделения, проблема представления об индивидуальности, которая все еще является чем-то таким, что может существовать отдельно от сообщества и от него отличаться, приводит к тому, что проблемы, стоящие перед сообществом, всегда оказываются какими-то со-

вершенно иными и посторонними. Я стараюсь так перестроить образ Я, чтобы он *по своему определению* включал в себя сообщество, и тогда, чтобы найти Я, человеку следует не уходить в себя, а наоборот, из себя выйти.

Я должен сделать допущение, что сказанное мной весьма «шатко», поскольку оно еще не нашло убедительного подтверждения. Я могу только представлять; я не знаю, как все будет, или как может быть. Я понимаю, что говорите Вы, потому что это именно то, что все мы делаем и во что верит вся терапия, но я не думаю, что так будет и впредь. Я думаю, что это погоня за тенью. Я думаю, что то, что было добродетелью, стало пороком. Я думаю, что мы должны понимать то явление, которое Вы назвали дисфункцией нашего политического мира (я имею в виду социальный мир, а не политиков), в связи с нашей увеличившейся сосредоточенностью на терапии. Мы думаем, что становимся все лучше и лучше. Мы думаем, что терапия сделала все хорошее, о чем Вы упоминали, и это действительно так. Но какое это имеет отношение к ухудшению мира?

Лоуэн: Нет, я не могу полностью согласиться с тем, что Вы сказали. Например, я не думаю, что терапия оказала столь сильное влияние. Тяжесть человеческих страданий возрастала в течение последних 40 лет. В этом терапия не виновата. Наоборот, терапия борется с этими страданиями. Во времена Фрейда одной из самых серьезных проблем, которой он занимался, была истерия. Я практикую уже 50 лет, и в последние 40 лет не видел пациентов, страдающих истерией. Зато я видел бесчувственных нарциссических личностей. По крайней мере, во времена Фрейда истерические пациенты имели какую-то страсть, несмотря на то, что не могли ее сдержать. Наша проблема в том, что мы утратили страсть.

Хилман: А что Вы скажете насчет тостеров, пепельниц и проездных билетов, и целом мире, который из них состоит?

Лоуэн: Вы хотите обойтись без них? Тогда я Вам аплодирую.

Хилман: Нет, я вовсе не хочу без них обходиться, Я хочу снова сделать мир одушевленным или привнести в него новое очарование. Это мир, в котором мы живем. Это мир, который нас себе подчиняет. Если мы не распознаем того, что он от нас ждет и не услышим его вопли, которыми он привлекает наше внимание, тогда мы найдем душу только среди людей. И тогда мы останемся жить в картезианском мире: в мире, для которого все внешнее мертво; в мире, где царит беспорядок... Беспорядок изобрел Декарт: «Все, что находится вовне, мертво», а душа существует только у человека внутри или в отношениях между людьми. Мне думается, что главный изъян нашей теории в том, что душа не распространяется на животных, деревья, дороги, институты, вещи, пепельницы, тостеры, на скрип пластика.

Лоуэн: Ладно, позвольте мне сделать шаг вперед. Я бы сказал, что проблема психотерапии в том, что она дьявольски связана с психикой. Слишком много внимания уделяется мыслям, слишком большое место занимают идеи, а увлекаясь идеями, вы отделяетесь от *anima mundi*, которая

сосредоточена в чувствах, движении и бытии. Мы слишком односторонни в своем фундаментальном терапевтическом подходе. Мы сконцентрированы на словах. Все терапевтическое воздействие происходит посредством слов и идей. Это только полдела. Мы должны больше обращаться непосредственно к телу. Мы можем вдохнуть в него жизнь, и именно в нем человеческая душа войдет в контакт с душой универсума.

Хилман: В этом заключался Ваш огромный вклад. Работа по оживлению тела в Ваших трудах и Вашей практике – это чудесная вещь, которую Вы сделали. А как насчет мирового тела? Дряхлого, коррумпированного, загаженного тела мира?

Участник семинара: Все мы являемся мировым телом.

Хилман: Не только мы. Мировое тело – это и стул, на котором Вы сидите.

Лоуэн: Да, вместе со всеми бумагами, которые разбросаны вокруг нас. Это автомобили и выхлопные газы, загрязняющие воздух. Кто-то несколько лет тому назад сказал, что изобретение автомобиля было величайшей трагедией человечества. Я с этим согласен.

Хилман: Я не испытываю ностальгии по временам, когда не было автомобилей. Дело не в них. Мы дожили до того, чтобы сделать автомобиль таким, чтобы его форма и красота сделали мир полнее. Мы же не можем вообразить, что едем на лошадиной повозке и смотрим, как движется лошадиный зад.

Роберт Блай однажды сказал: «Вы представляете себе, какая раньше была романтика? Вы брали конный экипаж, садились в него вместе с вашей возлюбленной, взяв в руки вожжи, и около двух часов смотрели на движение лошадиного зада».

Лоуэн: Да, грустно, что мы больше не видим в людях ничего подобного. Доктор Хилман, позвольте мне пожелать Вам успеха и поблагодарить Вас за то, что Вы обнадружили меня в моих искренних усилиях изменить эту существующую вне нас больную душу. Если бы Вы еще нашли способ показать мне, как это сделать, я бы с радостью согласился на сотрудничество.

ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Вопрос: Доктор Хилман, я хотел бы обратиться к целой концепции о расставании с внутренним ребенком. Меня удивило, что Вы сказали о том, что поскольку это расставание выглядит как расставание с чем-то, имеющим психическую природу, оно является таким же достоверным, как и все остальное. Мне кажется, что само общество лишило этого ребенка его силы. Этот ребенок во всех отношениях является очень сильным, и я полагаю, что многим из наших политиков требуется иметь больше от такого ребенка.

Хилман: Я сказал: расстаться с *чрезмерным поклонением* внутреннему ребенку, а вовсе не с самим ребенком.

Вопрос: Я размышляю над тем, что, по ощущениям доктора Хилмана, мы смогли бы сделать, чтобы позаботиться о мировом сообществе, земной

душе, коллективной душе...

Хилман: Я не пользовался пустыми идеями типа «мировое сообщество» или «нечто глобальное». Я сказал, что идея сообщества постоянно смещается с того места, где мы сейчас находимся. Что бы это сообщество из себя ни представляло – находитесь ли Вы у себя дома вместе с Вашей собакой и Вашими цветами, или разговариваете с Вашими соседями насчет сломанного лифта, или присутствуете на обеде в День Благодарения вместе с членами Вашей семьи, которых не видели целых 12 лет, – всегда Я включает в себя это сообщество. Дело вовсе не в том, чтобы обсуждать «весь мир» и гигантские идеи, которые нас по-настоящему в данный момент не привлекают. Как сказал доктор Минухин, «Вы можете присоединиться к тому, что в данный момент находится на углу Вашей улицы»; а я добавлю: «Вы и *есть* то самое, что в данный момент находится на углу Вашей улицы».

Вопрос: Я слышал на другом семинаре и сам придерживаюсь того же мнения, что вы оба друг другу необходимы. Доктор Хилман, мне кажется, что все сказанное Вами о необходимости обратить наше внимание на внешний мир является абсолютно правильным. Но доктор Лоуэн дает нам механизм того, как обращаться с внешним миром. Если вы умрете для самого себя, вы не сможете увидеть своего кота и понять, что в нем тоже существует маленькая душа. Вы не можете почувствовать, как он царапается. Вы не можете быть заодно с миром, если у вас отсутствует внутренний фундамент, и я думаю...

Хилман: Именно, именно так. Я спрашиваю: почему мы должны ждать, пока в чем-то излечимся? Разве раненый не может действовать? Одно из положений терапии состоит в том, что мы должны излечить или определить свои раны, чтобы они позволяли нам действовать. На протяжении всей истории мы получали и получали раны, а раненые всегда были в состоянии действовать в пределах тех возможностей, которые предоставляли им их ранения.

Вопрос: Преамбула к моему вопросу: я просто хотел сказать, что я почувствовал, что доктор Лоуэн и доктор Хилман, несмотря на свои расхождения, продемонстрировали общественную деятельность, и мне их рукопожатие кажется символичным.

Доктор Хилман, я бы хотел спросить, как может индивидуальная, простите за этот термин, «психотерапия», иметь дело с тем, что Вы сказали относительно *anima mundi*. Есть ли в этом какой-то смысл?

Хилман: Через пять лет, на очередном таком семинаре, может быть, я смогу ответить на этот вопрос. Я думаю, что предстоит много работы, связанной с отвлечением внимания от «я». Но я еще не совсем понимаю, что это значит – отвлечь внимание от «я».

Вопрос: Мне кажется, что мы все еще застряли на анализе и индивидуальных сессиях.

Хилман: Прежде, чем заботиться о том, что следует делать, нам необ-

ходимо осознать, где мы находимся. Одно из наших затруднений состоит в том, что мы хотим сохранить движение Запада. Но сейчас вам больше некуда двигаться; вы завершили путь, когда, наконец, добрались до Лос-Анджелеса. Американцы всегда задают вопрос: «Что бы нам сейчас сделать?» Прежде, чем мы сможем *делать*, нам требуется понять, как глубоко мы находимся и насколько тяжел наш багаж, багаж индивидуализма.

Перевод В.К.Мершавки